

НОВОЕ СЛОВО СТАРОЙ БРИТИИ * ---

П. Анненковъ: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху. По новымъ документамъ. (Вѣстникъ Европы 1873—1874.)*

Въ февральской книжкѣ *Вѣстника Европы*, г. Анненковъ окончилъ свой объемистый трудъ, къ которому и слѣшимъ возвратиться.

Еслибы предыдущая статья наша была написана когда вся новая работа г. Анненкова появилась въ печати, мы не приписывали бы замѣчательныя нами вылазки автора противъ личности Пушкина и близкихъ къ нему людей тенденціозному старанію поддаваться подъ господствующіе современные вкусы, а въ особенности подъ взгляды журнала на страницахъ котораго выступилъ авторъ *Материаловъ*. Дѣло въ томъ что хотя вліяніе этихъ взглядовъ и отразилось на г. Анненковѣ, но онъ имѣлъ добросовѣстность не подчиниться имъ, и сохранилъ уваженіе къ предмету своихъ изученій, которое и сказалося несомнѣнно въ дальнѣйшемъ развитіи его труда. Онъ мастеръ говорить противорѣчіями, причемъ сопоставленіе въ одномъ періодѣ двухъ взаимно исключających одно другое опредѣленій, повидимому, нисколько не смущаетъ его. Мы

---

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 2ѣ.

и въ предыдущей статьѣ имѣли случай указывать на недостатокъ внутренняго согласованія въ рѣчахъ г. Анненкова, но въ заключительной части его труда эта любопытная черта рѣшительно преобладаетъ. Порою кажется будто русскія слова теряютъ для г. Анненкова свое обязательное значеніе, и никакія противорѣчія не могутъ смутить его. Для образца приведемъ тутъ же маленькій примѣръ. На страницѣ 524, говоря о Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ, сосѣдкѣ Пушкина по Тригорскому, г. Анненковъ опредѣляетъ ее такимъ образомъ: „Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому ничего не искала въ ней кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собой (?) и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы“. Г. Анненкову кажется что пользоваться жизнью просто, искать въ ней только минутныхъ удовольствій, избѣгать ухаживаній и ждать отъ судьбы чего-либо дѣльнаго и серьезнаго—все это весьма удобно совмѣщается одно съ другимъ и даже составляетъ, по его словамъ, *милъ*.... Вотъ кстати и еще одинъ примѣръ. На стр. 482 авторъ, желая охарактеризовать высшую одесскую администрацію при гр. Воронцовѣ, говоритъ: „Прежде всего требовались теперь порядочность въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главою управленія“. Затѣмъ онъ тотчасъ прибавляетъ: „Нельзя сказать чтобы тотъ сравнительно небольшой кругъ талантливыхъ людей которые не могли или не желали устроить свою внутреннюю жизнь по данному образцу испытывали какого-либо рода притѣсненія: государственныи умъ начальника края употреблялъ ихъ такъ же какъ и другихъ въ дѣло, спокойно ожидая ихъ обращенія“. Такъ какъ Пушкинъ принадлежалъ конечно къ этому „небольшому кругу талантливыхъ людей“, то слѣдовательно сказанное прежде о требованіяхъ наружнаго приличія въ формахъ жизни могло бы быть вовсе олущено, какъ къ нему не относящееся. Но г. Анненковъ, недовольный однимъ противорѣчіемъ, тотчасъ воздвигаетъ новое: „Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, что и Пушкину предоставлена была бы свобода не признавать обязательности для себя никакой программы существованія и поведенія, еслибы при этомъ онъ скромно и тихо пользовался своею льготой“ и т. д. Скромно и тихо пользовался льготой жить не скромно и не тихо—какой

смыслъ имѣеть это удивительное сдѣленіе взаимно исключających одно другое понятій?

При этой небрежности многое что можетъ показаться у г. Анненкова преднамѣреннымъ и тенденціознымъ, правильнѣе будетъ приписать чистой случайности. Въ своемъ заключительномъ результатѣ, трудъ его даже становится совершенно въ разрѣзъ съ литературно-общественными тенденціями *Вѣстника Европы* вообще и статей г. Пылина въ особенности. Читателямъ нашимъ извѣстно что Пушкинъ, съ точки зрѣнія г. Пылина, подававшій въ ранней молодости нѣкоторыя надежды, какъ сторонникъ либеральныхъ идей, внушенныхъ ему политическими друзьями двадцатыхъ годовъ, послѣ катастрофы 14го декабря отрекся отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, сдѣлался сторонникомъ существующаго порядка и потерялъ для русской литературы всякое значеніе. Мы напомнимъ объ этомъ воззрѣніи на Пушкина не для того чтобъ еще разъ доказывать его совершенную несерьезность, но съ цѣлью сопоставить со впечатлѣніемъ выносимымъ изъ статей г. Анненкова. Не щадя мрачныхъ красокъ въ повѣствованіи о молодыхъ годахъ Пушкина, г. Анненковъ становится замѣтно снисходительнѣе къ нему съ одесской эпохи его жизни, а со времени переселенія поэта въ Михайловское личность его приобретаетъ въ глазахъ біографа серьезное значеніе. Въ концѣ концовъ г. Анненковъ обращается къ тому воззрѣнію на жизнь Пушкина которое много разъ высказывалъ самъ поэтъ, именно—что вторая половина ея, посвященная серьезной работѣ мысли и поэтическаго вдохновенія, служила поправкой къ первой половинѣ, залечатлѣнной ошибками, легкомысліемъ и увлеченіями страстей. Г. Анненковъ идетъ даже далѣе. Вопреки категорическому мнѣнію г. Пылина, онъ высказываетъ, на заключительныхъ страницахъ своего труда, что въ душѣ Пушкина до конца его жизни была „потребность мѣшавшая ему замкнуться исключительно въ кругъ своихъ художественскихъ идей“. Въ силу этой потребности, „онъ старалъ жадной многосторонней общественной жизни... томился мучительною страстью осмыслить современный ему бытъ, открыть законныя причины его явленій, увѣровать въ его необходимость и разумность и наконецъ угадать смыслъ русской исторіи какъ лучшаго оправданія народа и страны“. „Только этою цѣнью, продолжаетъ біографъ, покупались для него и

спокойствіе духа, и счастье чувствовать себя членомъ дѣльнаго и достойнаго общества, безъ чего почти и невысказана возможность какой-либо широкой творческой дѣятельности“. Можно даже замѣтить изъ словъ г. Анненкова что онъ признаетъ огромное превосходство Пушкина надъ современнымъ ему обществомъ именно въ этотъ послѣдній періодъ его жизни, когда поэтъ, по взгляду г. Пылина, устранился отъ нравственныхъ интересовъ общества, сдѣлавшихся для него индифферентными. „Въ послѣднее время, говоритъ г. Анненковъ, Пушкинъ поминутно расходился съ тѣмъ обществомъ которому хотѣлъ сослужить свою великую службу. Чѣмъ болѣе силился онъ найти ему историческое философское оправданіе, чѣмъ усерднѣе воздвигалъ ему основанія которыя не стыдно было бы показать всему свѣту, тѣмъ чувствительнѣе становились для поэта всѣ безчисленныя опроверженія и посмѣванія какія наносимы были каждодневно его идеализирующимъ теоріямъ на практикѣ и притомъ весьма развитыми и вліятельными людьми эпохи. Пушкинъ переходилъ поминутно отъ вѣрованій и надеждъ къ скептицизму и отчаянію“... Все это весьма справедливо и очень далеко отстоитъ отъ точки зрѣнія г. Пылина.

Серіозный и благородный обликъ, въ который окончателью складывается образъ Пушкина, достался г. Анненкову не безъ труда. Покончивъ съ „душевною болѣзью“ и съ нахальствомъ Пушкина, біографъ еще долго борется съ самимъ собою, пока его совѣсть не оставляетъ отрицательное отношеніе къ поэту. Въ главѣ посвященной одесской жизни Пушкина еще очень замѣтно стараніе обвинить поэта во всѣхъ столкновеніяхъ и вообще представить его въ неслышкѣмъ выгодномъ свѣтѣ. По привычкѣ своей запутывать каждое явленіе во множествѣ проговорѣчій, г. Анненковъ изъ столкновенія поэта съ гр. Воронцовымъ, объясняемаго безъ труда изъ весьма простыхъ и ясныхъ причинъ, сдѣлалъ безъ всякой надобности довольно сложное дѣло, разобрать которое можно не иначе какъ тщательно откинувъ всѣ „собственныя“ разъясненія біографа. Такъ, г. Анненковъ начинаетъ главу объ одесской жизни Пушкина предположеніемъ что поэтъ „сначала и не лопаялъ значенія переворота который совершился какъ въ жизни края, такъ и въ его собственной жизни, съ перемѣной администраціи“. Между тѣмъ, въ слѣдующей же фразѣ оказывается что Пушкинъ понималъ перемѣну въ своемъ

положеніи очень хорошо и гораздо лучше своего біографа. „Ему *просто* думалось, поясняетъ біографъ, что онъ развязывается съ надѣвшимъ ему и начинавшимъ уже пустѣть Кишиневомъ“. Вотъ это-то *просто* очевидно и не нравится г. Анненкову, и онъ слѣшить по возможности запутать дѣло. Онъ соглашается что „шумный приморскій городъ, съ италіанскою оперой, съ богатымъ и образованнымъ кулечествомъ, съ новинками и вѣстями изъ Европы, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, прибывшими въ край по выбору его начальника, все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей какихъ Кишиневъ, потерявшій между прочимъ и значеніе административнаго центра, уже не могъ дать.“ Кажется, ничего не можетъ быть проще и яснѣе. Но г. Анненковъ, задавшись мыслью что Пушкинъ не понялъ „переворота“, старается найти въ одесской жизни поэта „оборотную, уравнивающую сторону“. Оказывается что „переворотъ“ заключался въ новыхъ отношеніяхъ между начальствомъ и подчиненными, изъ которыхъ должна была исчезнуть фамильярность существовавшая въ Кишеневѣ. Образъ сношеній графа Воронцова съ подчиненными, продолжаетъ г. Анненковъ, „одинаково удалялъ какъ поползновенія ихъ къ служебной низости, такъ и претензію на короткость съ нимъ“. Выходитъ такимъ образомъ будто этихъ-то новыхъ отношеній, въ которыхъ и заключался „переворотъ“, „не сумѣлъ понять Пушкинъ“.. Подобное подозрѣніе до того странно и неправдоподобно что кажется не нуждалось бы въ опроверженіи; но къ вящей бѣдѣ г. Анненкова, въ той же самой главѣ ему пришлось привести документъ заключающій въ себѣ формальное возраженіе на его догадку. Этотъ документъ—письмо Пушкина къ тогдашнему правителю канцеляріи графа, А. И. Казначееву, писанное по поводу увольненія его отъ службы въ Одессѣ. Оно заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія строки: „Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ графомъ Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволить мнѣ увидѣться предъ нимъ).“ Было ли хоть малѣйшее основаніе, имѣя въ рукахъ это письмо, обвинять Пушкина въ келониманіи прекра-

щенія фамиллярныхъ отношеній къ начальству? Не ясно ли напротивъ что Пушкинъ понималъ эту сторону дѣла до такой степени основательно что могъ подѣлиться своимъ взглядомъ съ правителемъ канцеляріи, и что не онъ, а сама администрація видѣла возможность примиренія въ дружбѣ и покровительствѣ?

Столкновеніе Пушкина съ графомъ Воронцовымъ, окончившееся увольненіемъ поэта отъ службы и водвореніемъ на жительство въ селѣ Михайловскомъ, занимаетъ въ его жизни довольно важное мѣсто, и уяснить это дѣло не будетъ лишнимъ. Но для того необходимо сначала устранить противорѣчія внесенныя въ него г. Анненковымъ.

„Понятно, замѣчаетъ біографъ, что не имѣя возможности выработать изъ себя *дѣльнаго* человѣка во вкусъ эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не поддаваясь ни на какую мировую сдѣлку, ни на какое соглашеніе беречь про себя свое представленіе людей и порядковъ, Пушкинъ уже не имѣлъ особенно вѣрныхъ залоговъ успѣха въ новомъ обществѣ, куда полагалъ по собственному избранію“. Для того чтобы въ этихъ словахъ найти какое-либо основаніе, надо понимать ихъ въ самомъ ограниченномъ смыслѣ. Новое общество, о которомъ говоритъ г. Анненковъ, надо очевидно понимать состоящимъ изъ самого графа Воронцова и немногихъ лицъ одного съ нимъ круга — лицъ взгляды которыхъ на поэтовъ вообще и на самого Пушкина были, какъ мы увидимъ, таковы что безъ столкновенія дѣло никакъ не могло обойтись. Что же касается до одесскаго общества въ широкомъ смыслѣ, то тутъ успѣхъ Пушкина былъ самый неограниченный и могъ бы удовлетворить гораздо болѣе ненасытное самолюбіе. Популярность его въ образованныхъ кругахъ мѣстнаго и пришлого населенія возрасла до такой степени что самъ графъ Воронцовъ, ходатайствуя объ отозваніи Пушкина изъ Одессы, мотивировалъ необходимость этого распоряженія такими словами: „Здѣсь есть много людей, а съ эпохой морскихъ куланій число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему чрезъ то вражескую услугу, ибо споспѣвуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ въ сущности только слабый подражатель несовсѣмъ

почтеннаго образца — лорда Байрона“. Оставляя на отвѣтственности автора письма эту смѣлую оцѣнку двухъ поетовъ, ограничимся замѣчаніемъ что при мало скрытомъ раздраженіи противъ Пушкина и явномъ желаніи представить пребываніе его въ Одессѣ опаснымъ, графъ Воронцовъ едва ли рѣшился бы ради этой послѣдней цѣли указывать на чрезвычайное значеніе Пушкина въ мѣстномъ обществѣ еслибъ обстоятельство это не было несомнѣннымъ и бросающимся въ глаза фактомъ. Г. Анненковъ также замѣчаетъ что молодежь *самаго штата наместника* не уступала *никому* въ прославленіи Пушкина. Припомнимъ кстати что самые многочисленныя и блестящія успѣхи поэта между женщинами высшаго круга также относятся къ одесскому періоду его жизни.

Въ сторонѣ отъ этого общества, обнаружившаго къ поэту горячее сочувствіе, переходившее въ поклоненіе, стоялъ небольшой кругъ людей предъявлявшихъ къ Пушкину совершенно иныя требованія и даже не цѣнившихъ, какъ мы видѣли, его поэтическаго дарованія. Въ глазахъ этихъ людей, мѣсто Пушкина въ городскомъ обществѣ было указано ему не славой его литературною, а чиномъ коллежскаго секретаря, положеніемъ мелкаго опальнаго чиновника, живущаго скромнымъ жалованьемъ и задѣльною платой стихотворца. Привилегированное положеніе этихъ лицъ придавало ихъ отношеніямъ къ поэту то значеніе котораго они не имѣли бы въ глазахъ общества и самого Пушкина безъ этого обстоятельства. Письма Пушкина того времени носятъ на себѣ явные слѣды раздраженія, причиненнаго ему отказомъ въ уваженіи къ его литературному и личному достоинству со стороны лица ожидавшаго отъ него, какъ кажется, такого рода отношеній къ какимъ Пушкинъ былъ рѣшительно неспособенъ. Въ письмѣ къ Бестужеву онъ писалъ между прочимъ: „У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у насъ съ авторскимъ самолюбіемъ. Мы не хотимъ быть покровительствуемы равными: вотъ чего W. (Воронцовъ) не понимаетъ. Онъ воображаетъ что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!“ Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ кн. Вяземскому, Пушкинъ возвратился къ той же темѣ. „Ты сердишься за то, писалъ

ошь, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянiя писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненiй вельможамъ, ибо по своему рожденiю почитаемъ себя равными имъ. Отседа гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ лишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожилъ на нихъ. Тамъ есть нечего—такъ лишь книгу, а у насъ есть нечего—такъ служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэтъ и я поэтъ, но я сузу болѣе прозаически, и чуть ли отъ этого не правъ.“ Требованіе правъ для старыхъ дворянскихъ родовъ, затираемыхъ новою служебною знатью, было, какъ извѣстно, страшною заботою Пушкина, обнаружившеюся въ немъ еще при первомъ вступленiи въ свѣтъ, по выходѣ изъ Лицея. Одесскія столкновенiя съ гр. Воронцовымъ, раздражавшимъ его своимъ административнымъ высокоумiемъ, заставили Пушкина еще горячѣе вступиться за свое 600-лѣтнее дворянство, надъ которымъ и тогда и послѣ такъ охотно смѣялось литературное мѣщанство. Много позднѣе Пушкинъ въ стихахъ и въ прозаическихъ замѣткахъ неоднократно возвращался къ этой темѣ, причемъ энергическая защита его всегда косвеннымъ образомъ направлялась противъ гр. Воронцова, сдѣлавшагося для него олицетворенiемъ вельможи петербургскаго періода русской исторiи. Въ бытность въ Одессѣ, онь не всегда сдерживалъ свою язвительную рѣчь, и между прочимъ называлъ намѣстника не иначе какъ милордомъ Уоронцовымъ, намекая на его извѣстное англоманство. Конечно здѣсь было много личнаго чувства оскорбленной гордости; но были и серіозные мотивы, на которые указываютъ между прочимъ слѣдующія строки изъ приведеннаго выше письма поэта къ А. И. Казначееву: „Мнѣ надобно видѣть что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже чѣмъ перваго пришлаго пошляка изъ Англичанъ, который прiѣзжаетъ къ намъ безлечно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье.“ Нельзя не видѣть въ этихъ строкахъ прямого отношенiя къ большому мѣсту Александровской эпохи—недостатку національнаго чувства и презрительному отношенiю англазированныхъ вельможъ ко всему русскому, что такъ существенно отличало ихъ отъ вельможъ Екатерининскаго времени.

Изъ сказаннаго достаточно ясно что близкое и рѣшительное столкновение между Пушкинымъ и мѣстной властью было неизбежно. Поводомъ къ тому послужило назначеніе Пушкина въ экспедицію для наблюденія за саранчею. При совершенной своей неопытности въ служебной практикѣ и при существовавшихъ отношеніяхъ къ графу Воронцову, Пушкинъ принялъ это назначеніе за чистую насмѣшку и рѣшился уклониться отъ него. Онъ написалъ А. И. Казначееву письмо, въ которомъ откровенно высказалъ свой взглядъ и свои желанія: „Семь лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Мнѣ скажутъ что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете что только въ Москвѣ или Санктъ-Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ что нахожусь за 2.000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 рублей не такъ какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ.“ Заклячая письмо, Пушкинъ прибавлялъ: „Знаю что довольно этого письма чтобы меня, какъ говорится, уничтожить.“ Онъ не ошибся: письмо дѣйствительно привело къ послѣдствіямъ которыя только благодаря необыкновенно счастливымъ обстоятельствамъ не получили для поэта роковаго исхода.

Очень можетъ-быть что назначеніе Пушкина въ экспедицію для наблюденія за саранчей произошло, какъ думаетъ г. Анненковъ, изъ желанія оказать услугу поэту, давъ ему случай отличиться по службѣ. Администрація, считавшая Пушкина „плохимъ подражателемъ несовсѣмъ почтеннаго образца“, могла простирать свое непониманіе и далѣе. Но уклоненіе опальнаго поэта отъ этого интереснаго назначенія было несомнѣнно сочтено за *casus belli*, и есть всѣ основанія предполагать что при этомъ случаѣ всплыло все накопившееся личное раздраженіе противъ опальнаго потомка древняго дворянскаго рода. Благожелательный Казначеевъ перелугался и

старался успокоить Пушкина и примирить его съ положеніемъ въ которомъ онъ находился. Поэтъ отвѣчалъ на это извѣстнымъ письмомъ, изъ котораго мы уже приводили нѣкоторыя выдержки. Тогда изъ кабинета графа Воронцова вышло письмо ко графу Нессельроде (къ сожалѣнію не приведенное г. Анненковымъ вполнѣ), рѣшившее участь поэта. Любопытный документъ, по мнѣнію г. Анненкова, „по своей осторожности и деликатности рисуетъ характеръ и личность начальника съ весьма выгодной стороны“. Не имѣя въ рукахъ всего письма, мы не рѣшаемся оспаривать мнѣніе біографа; но нельзя не сказать что приводимыя изъ него выдержки мало оправдываютъ замѣчаніе будто настаивая на необходимости отозвать Пушкина изъ края, гр. Воронцовъ приводилъ для того причины „которыя наименѣе могли повредить Пушкину во мнѣніи правительства“. Достаточно принять во вниманіе что въ виду извѣстныхъ словъ императора Александра: „Пушкинъ наводилъ всю Россію возмутительными стихами“—нельзя признать особенно „осторожнымъ“ указаніе на чрезвычайное поклоненіе мѣстнаго общества Пушкину какъ поэту, на чрезвычайную популярность его въ мѣстѣ ссылки. При большемъ доброжелательствѣ къ поэту, указаніе на его лѣность и пренебреженіе къ служебнымъ обязанностямъ было бы вѣрнѣе и безъ сомнѣнія менѣе компрометтировало бы поэта въ политическомъ отношеніи. Далѣе, мѣстное начальство простирало свою заботливость до того что уже не ограничивалось ходатайствомъ о высылкѣ Пушкина изъ Одессы, но хлопотало какъ бы и въ новомъ мѣстѣ жительства поэтъ не подпалъ „вреднымъ вліяніямъ лести и заразительныхъ, *крайнихъ* и *опасныхъ* идей“. При условіяхъ той эпохи, намекъ такого рода являлся уже прямымъ заявленіемъ о политической неблагонадежности лица, хотя письмо гр. Воронцова прикрываетъ его заботливостью объ усовершенствованіи поэтическаго таланта—того самаго поэта который казался лишь „плохимъ подражателемъ не совсѣмъ почтеннаго образца“.

Письмо это произвело тѣмъ скорѣйшее дѣйствіе что въ Петербургѣ были получены отъ московской полиціи свѣдѣнія о толкахъ будто бы произведенныхъ въ обществѣ двумя строками изъ частнаго письма Пушкина объ одномъ Англичанинѣ-атействѣ, котораго, замѣтимъ мимоходомъ, нашъ поэтъ встрѣчалъ въ домѣ самого начальника края, извѣстнаго необычай-

ною благосклонностью къ представителямъ Англійской націи. Изъ этихъ полушутливыхъ, полуделегкомысленныхъ строкъ, нисколько однако не свидѣтельствовавшихъ чтобы Пушкинъ раздѣлялъ атеистическую философію обласканнаго графомъ Воронцовымъ Англичанина, графъ Нессельроде усмотрѣлъ безпутство (inconduite), въ виду котораго состоялось рѣшеніе—исключить Пушкина изъ службы, а чтобы не оставить молодаго человѣка вовсе безъ надзора—выслать его во псковское имѣніе его родныхъ, гдѣ и подчинить надзору мѣстныхъ властей, духовному и полицейскому.

Такимъ образомъ, 30го іюля 1824 года, Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы, обязавшись слѣдовать предписанному маршруту, нигдѣ не останавливаясь. Маршрутъ былъ данъ изъ предосторожности чтобъ опальный поэтъ не проѣхалъ чрезъ Кіевъ, гдѣ у него были знакомые....

Несмотря на печальный исходъ годичнаго пребыванія въ Одессѣ, этотъ періодъ прошелъ далеко не безслѣдно въ жизни Пушкина; напротивъ, по количеству и значенію впечатлѣній испытанныхъ имъ въ Одессѣ, этотъ годъ надо назвать самымъ содержательнымъ въ его молодости. Здѣсь впервые обозначился рѣшительный поворотъ отъ легкихъ увлеченій къ серьезной работѣ мысли, отъ поэтическихъ подражаній западнымъ образцамъ, къ самобытному творчеству въ національномъ духѣ. Съ этого же времени замѣчается въ Пушкинѣ потребность историческаго и философскаго пониманія явленій въ области поэзіи, постоянное сѣтованіе на отсутствіе въ тогдашней русской литературѣ серьезной критики и стремленіе за отсутствіемъ ея самому додуматься до созвательнаго пониманія своихъ творческихъ задачъ. Дѣло это было трудное и требовало большаго проникновенія въ самую сущность старой и новой, русской и иностранной поэзіи. Какъ извѣстно, Пушкинъ, погружаясь въ эту область, встрѣтился на первыхъ шагахъ съ затрудненіями какія представлялъ вопросъ о романтизмѣ, бывший предметомъ жаркихъ споровъ въ нашей журналистикѣ двадцатыхъ годовъ. Къ одесской эпохѣ относятся главныя усилія употребленныя Пушкинымъ чтобы внести въ этотъ споръ надлежащій свѣтъ и направить его къ плодотворному рѣшенію. Г. Анненковъ относится къ этимъ критическимъ попыткамъ свысока, обвиняя нашего поэта, вмѣстѣ со всею тогдашнею литературой, въ непониманіи предмета. Этотъ

взглядъ онъ высказалъ еще двадцать лѣтъ назадъ въ своихъ *Materialажъ*, и теперь вновь довольно подробно развиваетъ его. Мы не совсѣмъ понимаемъ чего именно хочетъ г. Анненковъ отъ Пушкина въ этомъ вопросѣ. Намъ кажется что для той цѣли какую имѣлъ въ виду Пушкинъ, онъ ставилъ вопросъ очень практическимъ образомъ. Ему не было никакой надобности пересаживать на нашу почву теорію западно-европейскихъ романтиковъ, потому что романтизмъ въ этомъ смыслѣ у насъ былъ бы также неумѣстенъ и безплоденъ какъ и Сумароковскій псевдо-классицизмъ. У насъ не было никакихъ элементовъ для романтизма какъ литературной школы; наша поэзія могла отзывать только на нѣкоторыя стороны направленія называвшаго романтическимъ,—стороны о которыхъ собственно и завязался у насъ безконечный споръ. Такими сторонами были—отрѣшеніе отъ холодной искусственности въ поэзіи, требованіе страстнаго чувства, естественности драматическихъ движеній и мѣстныхъ красокъ. Пушкинъ постоянно объяснял романтизмъ именно въ этомъ значеніи, какъ стремленіе къ естественному и страстному выраженію чувства, въ противоположность холодному и искусственному витійству псевдо-классиковъ. Дѣло шло не о томъ чтобы преподавать русской публикѣ научный курсъ романтической поэзіи, а о томъ чтобы воспользоваться нѣкоторыми сторонами романтизма для общенія нашей поэзіи живыхъ вѣяній. Романтизмъ, пересаженный на нашу почву цѣликомъ, наложилъ бы на русскую поэзію новыя цѣли; толкуемый же въ томъ смыслѣ какъ указывалъ Пушкинъ, онъ освѣжалъ ее живыми струями и выводилъ ее на новые пути. Ближайшимъ результатомъ споровъ о романтизмѣ было обращеніе нашей поэзіи къ народности, и здѣсь самъ Пушкинъ, какъ и всегда, шелъ во главѣ литературнаго движенія. *Евгеній Онегинъ*, начатый въ Одессѣ, обозначилъ собою этотъ знаменательный поворотъ. Известно что первая глава этого романа возбудила недоумѣніе: друзья Пушкина, ждавшіе отъ него произведеній въ строго-романтическомъ духѣ, были удивлены и разочарованы легкостью тона и содержанія новой поэмы. Поэтъ долженъ былъ объясняться, оправдываться, и это было тѣмъ труднѣе что переворотъ подготавливавшійся въ его творчествѣ повидимому не былъ еще вполне ясенъ для него самого. Очень вѣроятно что не-

доумѣніе друзей, увидѣвшихъ въ первой главѣ *Отъгина* только легкую шутку, повліяло на то что въ дальнѣйшемъ развитіи романъ этотъ принималъ и по формѣ и по содержанию все болѣе серьезный видъ; несомнѣнно также что два года проведенные Пушкинымъ въ Михайловскомъ (1824—1826), среди чисто-русской деревенской обстановки, обогатили романъ тѣми превосходными картинами русской жизни которыя опредѣлили дальнѣйшее направленіе Пушкина какъ національнаго поэта. Могущественное вліяніе Байрона, подъ которымъ Пушкинъ находился уже три или четыре года, съ этого времени также начинаетъ уступать проявленіямъ поэтической самобытности, на встрѣчу которымъ шла русская жизнь представляя еще не тронутую въ нашей поэзіи область. Мы видимъ что тотчасъ по пріѣздѣ въ Михайловское, Пушкинъ страстно бросается за изученіе Шекспира, въ которомъ находитъ наиболѣе цѣнныя имъ черты романтическаго направленія, хотя нашъ поэтъ конечно зналъ что Шекспиръ не былъ романтикомъ въ настоящемъ значеніи слова. Здѣсь еще разъ видно что Пушкинъ цѣнилъ романтизмъ преимущественно по его противоположности псевдо-классической поэзіи, и въ этомъ смыслѣ тотчасъ понималъ огромное значеніе англійскаго драматурга. Этимъ объясняется, какъ намъ кажется, почему Пушкинъ настойчиво называлъ своего *Бориса Годунова* романтической трагедіей, и едва ли такое условное пониманіе термина слѣдуетъ назвать ошибкой, происшедшею отъ недостатка научнаго знанія; скорѣе можно допустить что поэтъ просто пользовался готовымъ словомъ, не находя для выраженія своихъ понятій другаго болѣе подходящаго опредѣленія.

Не сразу однако была порвана тѣсная связь соединявшая Пушкина съ Байрономъ: отыскавъ уже въ собственномъ вдохновеніи чисто-русскія темы и отдѣлвшись въ значительной степени отъ противообщественныхъ вѣяній въ поэзіи Байрона, Пушкинъ сохранялъ въ душѣ какое-то нѣжное, почти сыновнее отношеніе къ англійскому поэту. Онъ служилъ панихиды въ годовщину его смерти, и ни о комъ такъ охотно не бесѣдовалъ въ перепискѣ съ друзьями какъ о лѣтцѣ *Чайльдъ-Гарольда*. Въ 1825 году, уже при сильномъ вліяніи Шекспира и по окончаніи *Бориса Годунова*, Пушкинъ писалъ къ кн. Вяземскому: „Что за чудо Донъ-Жуанъ! Я знаю только лять переведенныхъ лѣсень; прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ

тотчасъ Раевскому что это chef d'oeuvre Байрона и очень обрадовался послѣ, увидя что W. Scott моего мнѣнія. " Въ томъ же письмѣ находимъ строки свидѣтельствующія о трогательномъ опасеніи Пушкина чтобы личные недостатки Байрона какъ человѣка не сдѣлались достояніемъ толковъ толпы, ладкой на всякія разоблаченія авторитетовъ. „Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своихъ враговъ... Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ гениемъ. Поступокъ Мура * лучше его *Далла-Рукъ* (въ поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли во гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на... Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc. потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. *Онъ малъ какъ мы. Онъ мерзокъ, какъ мы!* ** Врете, подлецы: онъ малъ и мерзокъ—не такъ какъ вы, иначе.“ *** Кто не почувствуетъ въ этихъ строкахъ того страстнаго уваженія къ великомъ людямъ и презрѣнія къ пошлости толпы которая отличала Пушкина во всю его жизнь?

Благоговѣнное поклоненіе нашего поэта Байрону походило впрочемъ въ то время уже болѣе на дань признательности за доставленныя наслажденія чѣмъ на продолжающееся увлеченіе. Пушкинъ до конца жизни сохранилъ сочувствіе къ тѣмъ сторонамъ человѣческой природы которыя породили его съ Байрономъ, но въ немъ самомъ, къ концу пребыванія въ Одессѣ, уже обозначалась новая потребность—спокойствія и примиренія, которая немного позднѣе такъ часто спасительно помогала ему уходить отъ волненій жизни въ отрезвляющій художественный трудъ. Богатая бурными впечатлѣніями молодость начинала сказываться преждевременною усталостью и жаждою покоя; съ тѣмъ вмѣстѣ, въ немъ обо-

* Известно что Томасъ Муръ сжегъ записки Байрона чтобы спасти ихъ отъ опубликованія.

** Курсивъ въ подлинникѣ.

*** Замѣчательное письмо это помѣщено въ № 2 *Русскаго Архива* за нынѣшній годъ.

значаются съ того времени новые вкусы, проявившіеся въ связи съ новымъ направленіемъ его поэзіи. Непосредственная русская дѣйствительность начинаетъ занимать его гораздо болѣе романтическихъ героевъ европейской поэзіи; онъ уже сознаетъ новыя задачи для своего поэтическаго творчества, опредѣлявшіяся для него все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ того какъ выяснялась для него „сквозь магическій кристаллъ даль свободная романа“, по собственному его выраженію. Онъ видимо близился къ полной зрѣлости своего могучаго дарованія.

Съ такимъ-то нравственнымъ запасомъ и чувствомъ новыхъ задачъ и путей, покинулъ Пушкинъ Одессу въ іюлѣ 1824 года. Онъ уносилъ съ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и осадокъ горькаго чувства, сказавшійся позднѣе въ исключенныхъ изъ *Евгенія Онегина* стихахъ:

...Отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ... устриць Черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ дожъ,
И слава Богу, отъ вальцовъ,
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,
И былъ печалень мой пріѣздъ...

Поэтъ имѣлъ право назвать свой пріѣздъ на родину печальнымъ во многихъ отношеніяхъ. Глухой деревенскій домъ, по безпечности и нехозяйственности Сергѣя Львовича Пушкина, былъ въ страшномъ запущеніи, и долженъ былъ, послѣ разнообразной и разсѣянной одесской жизни, производить тягостное впечатлѣніе на поэта. Онъ отчасти выразилъ его слѣдующею зимой въ стихотвореніи:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То залачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ содомой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна...

Были впрочемъ обстоятельства и важнѣе непріятнаго деревенскаго уединенія. Въ Михайловскомъ поэтъ засталъ все свое семейство—отца и мать, брата и сестру. Родители сначала обрадовались прїѣзду сына и обласкали его, но скоро начались между ними большія непріятности. Сергѣя Львовича безпокоило и пугало что сынъ вновь навлекъ на себя правительственную опалу, да еще будто бы за атеизмъ; онъ опасался что сближеніе его съ младшимъ братомъ и сестрой дурно повліяетъ на послѣднихъ, и навлечетъ на все семейство новыя непріятности. Изъ этого источника произошелъ между ними прискорбный разладъ, которому вспылчивость и неосмотрительность Сергѣя Львовича придала очень острую форму. Кромѣ того, одно очень щекотливое обстоятельство усилило натянутость отношеній между отцомъ и сыномъ: мѣстный предводитель дворянства предложилъ старику Пушкину принять на себя надзоръ надъ опальнымъ молодымъ человѣкомъ, и Сергѣй Львовичъ имѣлъ неделкатность согласиться на это предложеніе. Сынъ, узнавъ о томъ, представилъ отцу запальчивое объясненіе, слѣдствіемъ котораго была семейная ссора. Сергѣй Львовичъ громко обвинялъ сына въ непочтительномъ поведеніи, и эта жалоба, еслибы дошла до властей, могла бы имѣть для поэта прискорбные результаты, такъ какъ ее вѣроятно не преминули бы поставить въ связь съ обвиненіемъ въ атеизмъ. „Предъ тобою я не оправдываюсь“, писалъ поэтъ къ Жуковскому, „но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія.... Спаси меня!“

Домашній разладъ сдѣлался до того нестерпимъ для Пушкина что въ порывѣ отчаянія онъ написалъ лсковскому губернатору письмо въ которомъ просилъ довести до правительства его просьбу—засадить его въ казематъ чтобъ избѣжать притѣсеній отца. Къ счастью, письмо это не дошло по своему назначенію, а извѣщенный обо всемъ Жуковскій послѣдшилъ успокоить и образумить Сергѣя Львовича, который въ концѣ осени уѣхалъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ и отказался отъ надзора за сыномъ. Два или три мѣсяца проведенные съ отцомъ тяжело однако достались Пушкину. Въ письмѣ къ одной одесской дамѣ, приведенномъ у г. Анненкова, поэтъ горько жалуется на свои страданія: „Ваша тихая дружба могла бы удовлетворить всякую душу, мнѣ же эгоистическую чѣмъ моя, но и теперь, каковъ бы я ни

былъ, она, дружба эта, еще утѣшаетъ меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и поддерживаетъ въ виду того бѣшенства скуки которое поѣдаетъ мое глуое существованіе. Обылось все что я предвидѣлъ. Присутствіе мое въ средѣ моего семейства удвоило мои муки. А изъ этого выходитъ что я провожу въ поляхъ все то время когда не лежу въ постели. Все что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ море, производитъ во мнѣ тоску, шумъ фонтана буквально поражаетъ боль; мнѣ кажется что я сталъ бы плакать отъ бѣшенства при видѣ яснаго неба. Что касается до моихъ сосѣдей, я едва ознакомился съ ними: я пользуюсь между ними репутаціей Олѣгина.“

Съ отъѣздомъ семейства и по возвращеніи изъ Пскова, куда Пушкинъ былъ официально вызванъ для явки къ начальству, настала одна изъ самыхъ слокойныхъ и плодотворныхъ эпохъ въ жизни нашего поэта. Въ домѣ онъ пользовался полнымъ уединеніемъ, весьма рѣдко нарушаемымъ пріѣздомъ какого-нибудь друга, и дѣлилъ свое одиночество съ извѣстною старушкой-няней, Ариной Родіоновной, къ которой сохранилъ навсегда трогательное признательное чувство.

Въ январѣ 1825 года неожиданно посѣтилъ Пушкина его лицейскій товарищъ, декабристъ Пуцинъ, и объ этомъ посѣщеніи поэтъ сохранилъ благодарную память въ извѣстномъ стихотвореніи:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ....

Пуцинъ нашелъ поэта въ единственной жилой комнатѣ стараго деревяннаго дома, служившей ему спальней, столовой и рабочимъ кабинетомъ; остальные комнаты оставались запертыми и неоплавленными. Другой посѣтитель Пушкина, Языковъ, оставилъ описаніе этого неприхотливаго пріюта:

....Обоими худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечищенный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ предъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ....

Въ этомъ-то скромномъ кабинетѣ протекли два трудовые года жизни Пушкина, ознаменованные неутомимою умственною работою, самообразованиемъ и громадными успѣхами поэтического развитія. Чтобы опредѣлить послѣдніе, достаточно сказать что въ эти два года *Евгеній Онегинъ* доведенъ до шестой главы, задуманъ, начатъ и оконченъ *Борисъ Годуновъ*, и явилась первая мысль *Египетскихъ Ночей*.... Рядомъ съ этою живою дѣятельностью поэтического вдохновенія, шла у Пушкина непрерывная работа мысли: онъ выписывалъ изъ Петербурга множество книгъ, пользовался пріобрѣтеннымъ въ Одессѣ знаніемъ англійскаго и италіянскаго языковъ, изучалъ исторію и европейскія литературы, собиралъ народныя пѣсни и сказки, переписывался съ друзьями о всѣхъ текущихъ вопросахъ журналистики. Легкомысленныя отношенія къ жизни видимо уступали мѣсто болѣе серіознымъ требованіямъ; Пушкинъ какъ бы прощался съ увлеченіями и разсвѣянiami юныхъ лѣтъ, и собирался съ силами для новаго пути. Онъ самъ выразилъ сознаніе происходившаго въ немъ переворота въ заключительныхъ строфахъ шестой главы *Онегина*:

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.

Прощаясь со своею молодостью, благодаря ее за наслажденія и за „милыя мученія“, онъ заключаетъ:

..... тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я наслаждался—и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускзюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

Образъ жизни Пушкина въ деревнѣ довольно хорошо извѣстенъ: онъ отчасти описанъ имъ самимъ въ *Онегинъ*, отчасти намъ разказали о немъ друзья поэта. Гораздо менѣе знали мы объ его отношеніяхъ къ обитательницамъ села Тригорскаго, сосѣдняго съ Михайловскимъ помѣстьемъ, принадлежавшаго Прасковѣ Александровнѣ Осиповой. Г. Анненковъ сообщаетъ объ отношеніяхъ Пушкина къ этому семейству нѣкоторыя любопытныя новыя подробности. Тригорское занимаетъ въ жизни поэта довольно важное мѣсто и не даромъ воспѣто имъ въ стихахъ, не даромъ молодое, красивое женское населеніе его удостоилось отъ него столькихъ мадригаловъ.

и ставсовъ. Здѣсь Пушкинъ отдыхалъ отъ работъ, ла- скаемый внимательностію и поклоненіемъ многочисленнаго женскаго персонала. Прасковья Александровна Осипова, весьма преданная русской литературѣ и немного тщеславившаяся своими связями съ извѣстнѣйшими поэтами того времени, находилась вполнѣ подъ вліяніемъ Пушкина и слѣдила исполнять малѣйшія его желанія. Двѣ старшія дочери ея отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, послужили Пушкину, по мнѣнію г. Анненкова, первообразомъ двухъ лучшихъ его женскихъ типовъ, Татьяны и Ольги Лариныхъ. Всѣ были увѣрены что поэтъ влюбленъ въ Евпраксію Николаевну, и въ послѣдствіи жена Пушкина завела съ сестрой „полувоздушную дѣву горь“ (какъ называлъ ее поэтъ) переписку, въ которой намекала на свои подозрѣнія. Анна Николаевна отвѣчала ей слѣдующими прекрасными строками:

„Какъ вздумалось вамъ ревновать мою сестру, дорогой другъ мой? Еслибы даже мужъ вашъ и дѣйствительно любилъ сестру, какъ вамъ угодно непремѣнно думать—настоящая минута не смыываетъ ли все прошлое, которое теперь становится тѣнью, вызываемую однимъ воображеніемъ и оставляющею послѣ себя менѣе слѣдовъ, чѣмъ сонъ? Но вы—вы владѣете дѣйствительностію, и все будущее предъ вами.“ Извѣстно что жена поэта долго не могла примириться съ романическимъ прошедшимъ своего мужа, и съ трудомъ вѣрила любви человѣка котораго считала столь непостояннымъ и легкомысленнымъ. Слѣдствіемъ этихъ домашнихъ затрудненій остались превосходные стихи Пушкина:

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи вѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недоверчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участія и вниманья
Улыло слушаешь меня.

Кромѣ Анны Николаевны и Евпраксіи Николаевны Вульфъ, съ Прасковьей Александровной Осиповой жили также двѣ

младшія ея дочери, въ то время еще учившіяся и прибѣгавшія къ помощи Пушкина въ своихъ занятіяхъ французскимъ языкомъ, которымъ поэтъ, какъ извѣстно, владѣлъ въ совершенствѣ. Фамилію Осиповой носила также падчерица Прасковьи Александровны, Александра Ивановна, которой Пушкинъ посвящалъ стихотворное признаніе:

Я васъ люблю, хоть я бѣшуся,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасный;
И въ этой глулости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!

Въ послѣдствіи, когда овдовѣвшій Сергій Львовичъ поселился вновь въ Михайловскомъ, эта самая Александра Ивановна сдѣлалась предметомъ его поздней страстной любви: онъ предлагалъ ей свою руку, и рыдалъ встрѣчая съ ея стороны упорный отказъ.

Большой деревенскій домъ въ Тригорскомъ оживляли также своимъ присутствіемъ красивыя молодыя племянницы Прасковьи Александровны: Анна Ивановна, въ послѣдствіи вышедшая замужъ за Трувелера, Анна Петровна Кернъ, выданная чуть не ребенкомъ за стараго генерала, съ которымъ никогда не могла сойтись, и въ послѣдствіи жила разنو. Пушкинъ не мало ухаживалъ за нею, что и было причиной ея окончательнаго разрыва съ мужемъ. Это та самая Мпе Кернъ которой поэтъ посвящалъ одно изъ предстѣвѣйшихъ своихъ стихотвореній, начинающееся такъ:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.

„Пусть же теперь, говоритъ г. Анненковъ, читатель представитъ себѣ деревянный длинный одноэтажный домъ, наполненный всею этою молодежью, весь праздный шумъ, говоръ, смѣхъ, гремѣвшій въ немъ коуглый день отъ утра до ночи, и всѣ маленькія интриги, всю борьбу молодыхъ страстей, кипѣвшихъ въ немъ безъ устали“. Излишне пояснять что все это молодое населеніе Тригорскаго было увлечено Пушкинымъ, искало наперерывъ его вниманія и дорожило знаками его расположенія. При такомъ значительномъ женскомъ персоналѣ, было не мало поводовъ къ ревности и мелкимъ семейнымъ драмамъ, не всегда кончавшимся пустяками. Прасковья

Александровна сама ревновала поэта: разъ она почти насильно увезла Мше Кернъ въ Ригу къ ея мужу, въ другой разъ сама уѣхала со старшею дочерью въ Тверскую губернію, но не могла выдержать разлуки съ общимъ любимцемъ, и чрезъ мѣсяць вернулась назадъ въ Тригорское.

Лицамъ слѣдившимъ за Пушкинымъ со стороны и даже самимъ обитательницамъ Тригорскаго казалось что онъ весь погруженъ въ эту хлопотливую жизнь, центромъ которой дѣлало его воздаваемое ему всеобщее поклоненіе. Но на дѣлѣ было далеко не такъ. Пушкинъ только внѣшнимъ образомъ былъ заинтересованъ этою жизнью; мысль и чувство его были постоянно заняты другимъ, и это другое онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ прелестныхъ сосѣдокъ. Серіозными сторонами своего существованія онъ принадлежалъ умственному труду и поэтическому вдохновенію, населявшему чудными призраками его уединенную келью въ Михайловскомъ, и сердце его жило одесскими воспоминаніями. Мы не можемъ обойти здѣсь молчаніемъ этого одесскаго романа Пушкина, такъ какъ безъ него представленіе о личности поэта останется неполнымъ. Почти всѣ знавшіе Пушкина и слѣдившіе за его сердечными увлеченіями, толками о которыхъ были наполнены Кишиневъ, Одесса, Москва, Петербургъ, считали его легкомысленнымъ искателемъ похожденій, неспособнымъ ни къ какому глубокому и продолжительному чувству. Это мнѣніе и до сихъ поръ раздѣляется многими. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію что поэтъ испыталъ въ своей жизни серіозную привязанность которая много лѣтъ владѣла его душою и дѣлала его равнодушнымъ къ самому лестному вниманію очарованныхъ имъ поклонницъ. Привязанность эта тѣмъ болѣе достойна вниманія что поэтъ находился подъ властью ея долгія шесть лѣтъ въ разлукѣ съ любимымъ существомъ. Имя этой женщины до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ; поэтъ нигдѣ не обмолвился имъ, хотя многочисленныя повторенія одного и того же женскаго профиля въ его тетрадахъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ что его воображеніе было постоянно занято предметомъ его страсти. Пушкинъ встрѣтился съ этою женщиной въ Одессѣ, и кажется знакомство ихъ было непродолжительно: разказанная выше катастрофа по поводу экспедиціи для наблюденія за саранчей разлучила ихъ. Натура Пушкина допустила мимолетныя увлеченія вѣчно-жаднаго сердца рядомъ съ глубокою и постоянною страстью; такъ и въ этомъ случаѣ,

настоящая любовь не мѣшала многочисленнымъ похождениямъ его во всѣхъ слояхъ одесскаго общества, и между прочимъ укаживаньямъ его за Катериной Гикъ и за Мше Ризничъ, которой при отъѣздѣ ея изъ Одессы онъ написалъ въ альбомѣ известное стихотвореніе: „На языкѣ тебѣ невнятномъ“ (Мше Ризничъ не понимала по-русски, и даже не подозрѣвала что Пушкинъ поэтъ). Но эти преходящія привязанности не заслоняли единственной глубокой страсти на которую, благодаря именно ея страстной силѣ, легъ какой-то угрюмый отпечатокъ. При отъѣздѣ изъ Одессы, Пушкинъ получилъ отъ обожаемой женщины перстень съ какими-то кабалистическими знаками; кажется, на это именно обстоятельство намекаетъ его стихотвореніе *Талисманъ*, въ заключительной строфѣ котораго говорится:

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Подъядутъ не любя—
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья,
Сохранить мой талисманъ!

Талисманъ долго и свято исполнялъ свое назначеніе защищая поэта отъ новыхъ привязанностей, отъ искушеній, которыхъ такъ много крылось въ Тригорскомъ. Одесскія воспоминанія сохраняли свою власть надъ Пушкинымъ до самой его женитьбы. Полученіе письма изъ Одессы (разказываетъ г. Анненковъ) всегда было событіемъ въ его уединенномъ Михайловскомъ. Сестра поэта разказывала его біографу что эти письма всегда были запечатаны печатью съ такими точно кабалистическими знаками какіе находились на перстнѣ; тогда Пушкинъ обыкновенно запирался въ своей комнатѣ, нигде не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Можно догадываться какія грустныя минуты проводилъ въ эти дни поэтъ въ своей скромной кельѣ, въ борьбѣ съ приказаніемъ любимой женщины—сжигать ея письма. Онъ самъ далъ намъ намекъ на эту борьбу не успокоившейся страсти въ известномъ стихотвореніи:

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго ждалъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!

Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
 Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
 Ужь пламя жадное листы твои приемлетъ...
 Минуту! Вспыхнула... пылаютъ. Легкій дымъ
 Вѣсь теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужь перстыя твои утрача впечатлѣнья,
 Растопленный сургучъ кипитъ... О Провидѣнье!
 Свершилось!

Уже шесть лѣтъ спустя, накануне своей женитьбы, Пушкинъ въ послѣдній разъ отдался воспоминанію объ этомъ дорогомъ образѣ, и простился съ нимъ превосходнымъ стихотвореніемъ:

Въ послѣдній разъ твой образъ милый
 Дерзаю мысленно ласкать,
 Будить мечту сердечной силой,
 И съ нѣгой робкой и унылой
 Твою любовь воспоминаеть...

Мы потому позволили себѣ остановиться на этой интимной сторонѣ Пушкина что его сердечныя связи до сихъ поръ менѣе всего понятны, между тѣмъ какъ онѣ занимали весьма значительное мѣсто въ его существованіи и чрезвычайно важны для уразумѣнія его характера. Изучая его сердечныя привязанности, лучше всего начинаешь понимать что натура поэта, по странному противорѣчію въ ея организаціи, допускала преходящія и безсодержательныя, порою даже грубыя увлеченія, рядомъ съ глубокою и поэтической страстью, оразившеюся съ очарованіемъ и силою въ его лирическихъ произведеніяхъ. Поэтому мы сочли нужнымъ связать и возобновить въ памяти читателя отмѣтки оставленныя владѣвшими имъ чувствами въ его поэзіи: вопреки мнѣнію г. Анненкова, предостерегающаго судить Пушкина по его стихамъ, мы думаемъ что настоящій, истинный Пушкинъ болѣе всего отразился въ его лирикѣ, представляющей такъ мало придуманнаго и безъ сомнѣнія исходившей изъ глубины его духа.

Намъ остается перейти къ послѣднимъ явленіямъ той эпохи которую г. Анненковъ ограничиваетъ свой біографическій очеркъ. Мы воспользуемся указаніями заключающимися въ недавно обнародованныхъ письмахъ Пушкина къ князю Вяземскому чтобы разрѣшить кое-какія неясности, съ которыми встрѣтился г. Анненковъ въ этой части своего труда.

Отдадимъ прежде всего справедливость нашему автору: онъ останавливается на литературныхъ работахъ Пушкина въ Михайловскомъ періодѣ его жизни со вниманіемъ къ какому предыдущія главы мало насъ приготовили. Онъ не забываетъ даже и переписку Пушкина съ друзьями, и посвящаетъ ей строки которыя тѣмъ пріятнѣе встрѣтить что онѣ рѣшительно смываютъ копоть наложенную предъ тѣмъ біографомъ на своего героя. „Она рисуетъ намъ—говоритъ объ этой перепискѣ г. Анненковъ—самый образъ Пушкина въ изящномъ, нравственно-привлекательномъ видѣ. Тому, конечно, много способствуетъ ея языкъ: это постоянно одинъ и тотъ же блескъ молодого, свѣжаго, живаго и замѣчательно-основательнаго (вотъ даже какъ!) ума, проявляющійся въ безчисленныхъ отгѣнкахъ выраженія. Дѣйствіе переписки на читателя неотразимо, какое бы мнѣніе ни составилъ онъ заранѣе о характерѣ ея автора: необычайная, безыскусственная простота всѣхъ чувствъ, замѣчательная деликатность, смѣемъ такъ выразиться, сердца, при оригинальности самыхъ поворотовъ мысли и всѣхъ сужденій, приковываютъ читателя къ этой перепискѣ невольно и выносятъ предъ нимъ обликъ Пушкина въ самомъ благопріятномъ смыслѣ.“ Прочитавъ эти прекрасныя строки вслѣдъ за тѣми главами которыми мы посвятили предыдущую статью, истиннѣ надо сказать что г. Анненковъ обладаетъ странною манерой писать. Одинъ и тотъ же человекъ, въ одну и ту же эпоху своей жизни, является у него „нахаломъ“, „слѣпо-бунтующею личностью“, и обнаруживаетъ „замѣчательную деликатность сердца“, неспособенъ понять такія явленія какъ байронизмъ и романтизмъ, и обладаетъ „замѣчательно-основательнымъ умомъ“... Можно было бы подумать что г. Анненковъ подозреваетъ переписку Пушкина въ лицемеріи, въ желаніи выставить себя лучше чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и потому не основываетъ на ней своей оцѣнки, но онъ самъ же признаетъ въ этой перепискѣ „безыскусственную простоту всѣхъ чувствъ“..

Переходимъ къ событію имѣвшему рѣшительное вліяніе на судьбу Пушкина.

Катастрофа 14го декабря застала нашего поэта врасплохъ. Несомнѣнно что онъ не только никогда не предполагалъ возможности вооруженнаго возмущенія, но и никогда не сочувствовалъ такому способу дѣйствія. Въ перепискѣ со своими

петербургскими друзьями онъ ясно высказывается въ этомъ отношеніи; такъ, въ письмѣ къ Дельвигу, писанномъ въ началѣ 1826 года, онъ говоритъ между прочимъ: „Никогда я не проповѣдовалъ ни возмущенія, ни революціи“; въ письмѣ къ князю Вяземскому, писанному въ срединѣ того же года, онъ выражается столь же опредѣленно: „Будь и революція мнѣ никогда не нравились“. Катастрофа поразила его своею неожиданностью и взволновала опасеніями за участь друзей. Лично себя онъ не только считалъ внѣ всякой опасности, но даже думалъ что перемѣна правительства благотвѣтельно отзовется на его судьбѣ и принесетъ ему избавленіе. Мысль эта овладѣла всѣмъ существомъ его и сдѣлалась предметомъ дѣятельной переписки съ петербургскими друзьями. „Я желалъ бы вполнѣ и искренно примириться съ правительствомъ, писалъ онъ въ упомянутомъ письмѣ къ Дельвигу, и конечно это ни отъ кого кромѣ его не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія нежели гордости съ моей стороны.“ Только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, имъ овладѣваютъ сомнѣнія, вслѣдствіе молчанія со стороны Петербурга, какъ это видно изъ заключительныхъ строкъ того же письма къ князю Вяземскому: „Я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ... Еслибъ я былъ потребованъ комиссіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется это не къ добру.“

Князь Вяземскій принялъ самое горячее участіе въ положеніи Пушкина. Изъ друзей поэта, онъ ранѣе и настойчивѣе всѣхъ старался отклонить Пушкина отъ луты фальшиваго и агитирующаго либерализма, на который увлекали его политическія связи и веосмотрительность молодой и горячей натуры. Въ № 1 *Русскаго Архива* сообщено большое и чрезвычайное любопытное письмо князя Вяземскаго, въ которомъ благоразумный другъ доказывалъ фальшивость положенія создаваемого склонностью поэта бравировать своею опалой и свискивать лавры политическаго мученичества, въ чемъ онъ подозрѣвалъ его, повидимому сильно преувеличивая дѣло. Пушкинъ старался опровергнуть такую точку зрѣнія; по поводу посѣщенія одного петербургскаго гостя, онъ писалъ князю Вяземскому: „Ты вбилъ ему въ голову что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя, меня тошнить.... Но предлагаемое

да вѣдать "... * Послѣ катастрофы 14го декабря, князь Вяземскій съ особенною энергіей принялся за дѣло примиренія Пушкина съ новою властью, и настаивалъ чтобы тотъ обратился къ государю съ письмомъ, въ которомъ откровенно изъяснился бы о своемъ образѣ мыслей и просилъ бы о прекращеніи ссылки. Не полагаясь на упрямого друга, онъ указывалъ ему даже самыя выраженія въ какихъ должно быть составлено письмо на Высочайшее имя; объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее мѣсто въ перепискѣ Пушкина: „Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ Царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно такими словами.“** Несмотря однако на то, князь Вяземскій находилъ, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки,—письмо Пушкина холоднымъ и сухимъ. Любопытный документъ этотъ приведенъ въ статьѣ г. Анненкова, и нельзя не согласиться съ мнѣніемъ князя Вяземскаго относительно его холоднаго тона, придающаго ему видъ вынужденной необходимостью формальности.

Письмо, однакоже, возымѣло свое дѣйствіе: вскорѣ послѣ коронованія императора Николая, Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву. Распоряженіе это, какъ свидѣлствуетъ г. Анненковъ, было записано начальникомъ главнаго штаба, Дибичемъ, слѣдующимъ образомъ: „Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволено вѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ псковскому гражданскому губернатору. 28е августа.“ Во Псковскомъ архивѣ г. Анненковъ нашелъ и исполнительное по этой резолюціи отношеніе къ губернатору, въ которомъ было прибавлено только чтобы по прибытіи въ Москву Пушкинъ явился прямо къ дежурному генералу главнаго штаба; тамъ же сохранился и отвѣтъ начальника губерніи барону Дибичу, изъ ко-его оказывается что вечеромъ 4го сентября Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Пскова, согласно предписанію.

Примиреніе съ правительствомъ, послѣдовавшее такимъ образомъ, было совершенною неожиданностью какъ для самого поэта, такъ и для всѣхъ его окружающихъ. Посланный отъ губернатора прискакалъ въ Михайловское когда Пушкинъ

* См. *Русскій Архивъ* 1874, № 2.

** См. тамъ же.

былъ въ Тригорскомъ; едва поэтъ возвратился поздно вечеромъ домой, какъ его тотчасъ же повезли во Псковъ. Арина Родионовна, налуганная предыдущими петербургскими событиями, страшно встревожилась, и на разсвѣтѣ явилась къ Праксковь Александровнѣ, повергнувъ всѣхъ въ Тригорскомъ въ неописанный страхъ. Вѣроятно и самъ Пушкинъ вначалѣ не догадывался о цѣли съ какою его требовали въ Москву; но ло прїездѣ во Псковъ ему было тотчасъ передано письмо барона Дибича на его имя, настолько любезное что успокоило его на счетъ своей участи и могло бы поселить въ немъ очень высокое мнѣніе о себѣ, какъ говорилъ онъ самъ въ послѣдствіи. Къ величайшему сожалѣнію, письмо это до сихъ поръ никому неизвѣстно.

Пушкинъ, съ его спутникомъ фельдъегеремъ Вальшемъ, употребили четыре дня на переѣздъ изъ Пскова въ Москву. По прибытіи туда, они немедленно явились къ дежурному генералу Поталову. Отъ Дибича тотчасъ послѣдовалъ приказъ: „Высочайше повелѣно! чтобы вы привезли его въ Чудовъ дворецъ, въ мои комнаты, къ 4 часамъ пополудни.“ Тамъ произошло знаменательное свиданіе Пушкина съ императоромъ Николаемъ, опредѣлившее участь поэта въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи разказать здѣсь объ этомъ свиданіи словами г. Анненкова:

„Чудовъ или Николаевскій дворецъ занимало тогда августѣйшее семейство и самъ государь императоръ, которому Пушкинъ и былъ тотчасъ же представленъ, въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ, не совсѣмъ обогрѣвшійся, усталый и кажется даже не совсѣмъ здоровый. Можно полагать что покойный государь читалъ произведенія Пушкина еще будучи великимъ княземъ и находился, какъ вся грамотная тогдашняя Россія, подъ вліяніемъ его поэтическаго таланта. По крайней мѣрѣ этою чертой всего легче объясняется родъ ласки и нескрываемой нѣжности какую онъ всегда показывалъ по отношенію къ Пушкину, не измѣняя конечно своихъ строгихъ требованій порядка и подчиненности для него, и часто сдерживая его порывы. Покойному государю угодно было однажды разказать нѣкоторыя подробности своего перваго свиданія съ Пушкинымъ, переданныя намъ М. А. Корфомъ, имѣвшимъ счастье ихъ слышать. Государь, между прочимъ, спросилъ Пушкина, гдѣ бы онъ былъ 14го декабря, еслибы

находился въ Петербургѣ? Пушкинъ отвѣчалъ, не колеблясь: „въ рядахъ мятежниковъ, государь!“ Можетъ-быть, эта искренность и простота отвѣта, разоблачавшія прямой характеръ поэта, и были причиною высокой довѣренности къ честному слову Пушкина, какую возымѣлъ государь. Онъ потребовалъ у него взаимныя свободы и забвенія всего прошлаго — только честнаго слова что сдержитъ обязательства высказанныя въ подлинкѣ.* Затѣмъ государь выразилъ намѣреніе занять Пушкина серіозными трудами, достойными его великаго таланта, и объявилъ что для успѣшнаго продолженія его литературной дѣятельности, обѣщающей принести славу Россіи, онъ самъ беретъ на себя званіе цензора его произведеній.“

Такъ произошло примиреніе Пушкина съ новою властью — фактъ къ которому такъ любить обращаться современная журналистика, стыскивая въ немъ какую-то измѣну прежнимъ друзьямъ и отреченіе отъ прежнихъ убѣжденій. Несомнѣтельность этихъ нареканій и полнѣйшая нравственная чистота и благородство Пушкина во всемъ этомъ дѣлѣ для непредвзятаго взгляда кажется не подлежить сомнѣнію. Политическихъ друзей своихъ, сдѣлавшихся жертвою декабрьской катастрофы, Пушкинъ очевидно понималъ до тѣхъ поръ не вполнѣ: кровавая развязка событія была для него совершенно неожиданностью, и неожиданностью очень прискорбною, такъ какъ онъ гнушался насильственными революціонными мѣрами. Не напрасно члены Союза Спасенія такъ тщательнo уклонялись посвятить его въ свои планы; они не ошибались, полагая что Пушкинъ съ отвращеніемъ отвернулся бы отъ нихъ узнавъ объ ихъ кровавыхъ дѣлахъ. Измѣнить этимъ друзьямъ онъ не могъ уже по той причинѣ что никогда не былъ съ ними заодно, и если онъ самъ считалъ себя ихъ единомышленникомъ, то конечно вслѣдствіе недоразумѣнія, происходившаго отъ ошибочнаго пониманія ихъ дѣлей. Мы думаемъ что и его откровенный отвѣтъ императору Николаю былъ благороднымъ порывомъ рыцарской природы, весьма мало взвѣшеннымъ. Революціонныя идеи, если и были когда-нибудь свойственны Пушкину, оставили его задолго до событія

---

* Т.-е. обязательства не противорѣчатъ своимъ мнѣніями общепринятому порядку и не принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы именемъ они ни существовали.

1825 года; во всякомъ случаѣ можно кажется сказать съ полною увѣренностью что онъ никогда не былъ бы за-одно съ людьми замышлявшими цареубійство, и могъ бы быть вовлеченъ въ ихъ планы только обманомъ. Новыя сообщенія о главныхъ коноводахъ заговора находящіяся въ книгѣ г. Кропотова: *Биографія М. Н. Муравьева*, значительно подтверждаютъ наше предположеніе. Что же касается до нареканія позднѣйшей литературной критики будто Пушкинъ съ половины двадцатыхъ годовъ вообще отсталъ отъ свободныхъ политическихъ воззрѣній, сдѣлался совершенно равнодушнъ къ общественнымъ вопросамъ и заключился въ поклоненіе существующему порядку и въ чисто-художественное творчество, то такое нареканіе неоспоримо и блистательно опровергается обнаруженною въ той же книгѣ *Русскаго Архива* перепиской поэта съ кн. Вяземскимъ, принадлежащею къ самымъ цѣннымъ литературнымъ матеріаламъ послѣдняго времени. Хотя трудъ г. Анненкова, служащій предметомъ настоящей статьи, ограничивается Александровскою эпохой, но мы считаемъ необходимымъ, для совершеннаго изъясненія вопроса о политическихъ мнѣніяхъ Пушкина, воспользоваться здѣсь однимъ изъ самыхъ важныхъ документовъ изъ упомянутой переписки. Документъ этотъ — письмо Пушкина изъ Москвы, отъ 15го марта 1830 года, начинающееся такимъ образомъ: „У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я любялся послать его къ тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно подлѣе и дѣльнѣе разказала тебѣ въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи революціи Петра. Вотъ тебѣ случай писать политической ламфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Чтò твое здоровье? каковъ ты съ министрами? И будешь ли ты въ службѣ новой?“ Въ послѣднихъ строкахъ письма Пушкинъ снова обращается къ интересовавшему его предмету: „жду концертовъ и шуму за *проекты*“. Кажется, трудно найти что-нибудь убѣдительнѣе этого письма, если только историки и критики подобныя г. Пыпину способны чѣмъ-нибудь убѣждаться. Приведенное письмо, кромѣ неоспоримаго опроверженія нареканіямъ на поэта за

нимый индифферентизмъ его къ общественнымъ интересамъ и за отступничество отъ убѣждений, заключаетъ въ себѣ весьма важное поясненіе къ факту давно извѣстному, именно ко хлопотамъ Пушкина о разрѣшеніи ему издавать политическую газету. Подстрекая кн. Вяземскаго написать политическую статью по поводу преобразовательныхъ плановъ правительства, онъ даетъ намъ ключъ къ пониманію тѣхъ цѣлей ради которыхъ желалъ онъ имѣть въ своихъ рукахъ политическій органъ. Онъ видѣлъ задачу своей эпохи въ преобразовательномъ движеніи въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія, и намѣчалъ главные этапы такого движенія: охраненіе историческихъ правъ дворянства (мы знаемъ уже что симпатіями Пушкина пользовалось образованное и трудящееся дворянство), ограниченіе чиновной бюрократіи, расширеніе правъ мѣщанскаго сословія, освобожденіе крестьянъ. Съ этими четырьмя крупными шагами нашего политическаго обновленія онъ соединялъ еще одну надежду, намѣченную въ письмѣ отъ 5го ноября 1830 изъ Болдина и относившуюся къ облегченію участи декабристовъ. Къ сожалѣнію, польскій мятежъ остановилъ на десятки лѣтъ исполненіе преобразовательныхъ плановъ императора Николая, и значительно измѣнилъ его отношенія къ вопросамъ внутренней и вѣшной политики.

Заговоривъ о планахъ Пушкина пуститься въ журналистику, разрѣшившихся въ послѣдствіи основаніемъ *Современника*, кстати приведемъ здѣсь изъ той же переписки любопытное мѣсто объясняющее съ какими требованіями относился онъ къ періодической печати и насколько эти требованія, высказанныя почти полстолѣтія назадъ, остаются выше современнаго уровня большинства нашей журналистики. Въ письмѣ изъ Михайловскаго, отъ 9го ноября, слѣдовательно писанномъ скоро послѣ свиданія съ императоромъ, Пушкинъ слѣдующимъ образомъ говоритъ князю Вяземскому: „Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей Богу грустно. Итакъ, никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сущковъ, Завальевскій (?), кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнны чтобы переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ.

Но онъ долженъ: 1) знать грамматику русскую; 2) писать со смысломъ, то-есть согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣеть. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстiя о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласишься со мною что ему невозможно довѣрить изданiе журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ ничего не ушло. Можетъ-быть не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда какъ ты хочешь, а Полеваго ты пошлешь къ...“ * Еще ранѣе того, въ 1825 году, Пушкинъ писалъ тому же кн. Вяземскому: „Какъ мнѣ жаль что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжа. Ради Бога, надѣнь на него строгiй муштукъ и вывѣжай его на досугъ.“ ** Не трудно догадаться что понималъ Пушкинъ подъ невѣжествомъ Полеваго: снисходительный до крайности къ современнымъ ему литераторамъ, поэтъ постоянно съ большою строгостью относился къ Полевому, потому что чувствовалъ въ немъ журналиста общающаго ввести въ русскую литературу элементы поверхностнаго скептицизма и стремленiе привороваться ко вкусамъ толпы, чего Пушкинъ никогда и ни въ комъ не могъ равнодушно переносить. Известно что и *Современникъ* былъ основанъ имъ именно съ цѣлью противодѣйствовать пониженiю литературныхъ вкусовъ и понятiй и вторженiю самодовольной полубразованности, впервые внесенной въ нашу журналистику Полевымъ.

Возвращаемся къ послѣднимъ страницамъ биографическаго очерка г. Анненкова, гдѣ находимъ любопытныя подробности о новыхъ отношенiяхъ Пушкина ко власти.

Выше было упомянуто что императоръ Николай при первомъ свиданiи съ поэтомъ выразилъ намѣренiе занять его серьезными трудами достойными его великаго таланта. Первый опытъ въ этомъ дѣлѣ былъ не совершенно удаченъ: правительство очевидно не вполне ясно понимало къ какому роду серьезной дѣятельности былъ приготовленъ Пушкинъ своимъ образованiемъ и предшествующими занятiями; взаимное пониманiе между властью и Пушкинымъ окончательно установились позднѣе, когда поэтъ былъ допущенъ къ историческимъ работамъ въ государственныхъ архивахъ. Пер-

* См. *Русскiй Архивъ* 1874 № 2.

** См. тамъ же.

начально же Пушкину было предложено составить соображенія по предмету о воспитаніи юншества; мѣра эта объяснялась тѣмъ что событія 1825 года, не безъ основанія отнесенныя къ недостаткамъ общественнаго воспитанія, выдвигали реформу учебныхъ заведеній на первый планъ. При этомъ легко могло показаться что человекъ составившій себѣ въ короткое время блестящую литературную репутацію и принадлежавшій къ самымъ образованнымъ людямъ своего поколѣнія долженъ быть компетентенъ въ вопросахъ образованія. Въ виду высокой важности этого вопроса, порученіе разработки его Пушкину было знакомъ несомнѣннаго довѣрія. „Вамъ предоставляется, писалъ Пушкину гр. Бенкендорфъ, сообщая о Высочайшей волѣ, — совершенная и полная свобода когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, тѣмъ обширнѣйшій кругъ что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія. Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкину разрѣшался свободный пріѣздъ въ Петербургъ.

Польщеный такимъ знакомъ высокаго довѣрія, Пушкинъ дѣятельно занялся возложеннымъ на него порученіемъ, и черезъ два мѣсяца уже представилъ на Высочайшее воззрѣніе составленную имъ записку. Имѣя дѣло съ вопросомъ для него совершенно новымъ, никогда не входившимъ въ кругъ его занятій и даже размышленій, онъ конечно не могъ обработать его серіознымъ образомъ: записка его походила скорѣе на вдохновенную импровизацію, выразившую его личный и при томъ мало обдуманый взглядъ, чѣмъ на разностороннее изслѣдованіе предмета. Отзывъ государя, выраженный черезъ Бенкендорфа, при всей благожелательности въ формѣ, указывалъ что правительство совершенно расходилось съ авторомъ записки въ пониманіи главныхъ основаній вопроса. „Государь императоръ, писалъ гр. Бенкендорфъ Пушкину, съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи и поручилъ мнѣ изъяснить вамъ Высочайшую свою признательность. Его величество при семъ замѣтить изволилъ что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ къ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ

самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Правственность, прилежное служеніе, усердіе, предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безправственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонравственное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ.“

Хотя такимъ образомъ первый опытъ привлеченія Пушкина къ серіозному труду не имѣлъ успѣха, но онъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно свидѣтельствовалъ что выраженное въ письмѣ графа Бенкендорфа желаніе правительства „употребить отаичныя способности Пушкина на передачіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію собственное имя“ было не фразой, а твердымъ намѣреніемъ, которое въ значительной степени обуславливало предоставленіе ссыльному поэту свободы и покровительства. Цѣль эта была достигнута: не вступая въ сдѣлку со своею совѣстью, не отказываясь отъ независимаго взгляда на людей и дѣла, не устраняясь отъ интересовъ нравственнаго и политическаго свойства, Пушкинъ нашелъ свое настоящее призваніе въ глубинѣ своего поэтическаго духа, и въ этой области создалъ произведенія оставившія далеко за собою все что когда-либо являлось въ русской литературѣ. Независимо отъ того, предъ нимъ открылась еще и другая область—историческія работы которыми ближе всего удовлетворялось намѣреніе правительства обратить его дарованія къ дѣятельности серіознаго характера, имѣющей „передать потомству славу нашего отечества“.

Мы не разъ уже замѣчали что настоящаго, вполнѣ созрѣвшаго Пушкина надо искать въ послѣднемъ десятилѣтіи его жизни, и заключая эту статью, не можемъ еще разъ не пожалѣть что г. Анненковъ ограничилъ свой трудъ Александровскою эпохой. Несмотря на то что въ послѣднихъ главахъ онъ значительно измѣнилъ свои отношенія къ поэту, предположенная имъ цѣль окончательнаго уясненія свѣтлаго образа Пушкина осталась недостигнутою: настоящаго Пушкина еще нѣтъ, и бѣлая часть того что сдѣлано г. Анненковымъ можетъ служить не къ уясненію, а только къ затемненію этого образа. Мы имѣемъ дѣло лишь съ предисловіемъ къ книгѣ, а не съ самою книгой.

PS. Въ январской книгѣ *Вѣстника Европы* мы нашли странную замѣтку г. Пыпина, посвященную нашей статьѣ *Литературное и критическое мелководье*. Такъ какъ предметъ настоящей статьи очень близокъ къ предмету вызвавшему упомянутую *Замѣтку*, то мы находимъ возможнымъ сказать здѣсь по поводу этой полемики нѣсколько словъ.

Г. Пыпинъ во первыхъ ругается, а вовторыхъ оправдывается. По первому пункту мы не будемъ входить въ состязаніе съ авторомъ *Характеристикъ*, держась понятія что ругательства оскорбляютъ не того противъ кого они направлены, а того кто приближаетъ къ этой *ultima ratio* петербургской журналистики. Что касается втораго пункта, то мы были очень обрадованы оправданіями г. Пыпина: они свидѣтельствуютъ что авторъ *Характеристикъ* самъ сознаетъ невозможность открыто признать выводы вытекающіе изъ его книги. Въ этомъ отношеніи *Замѣтка* служитъ полезною поправкой къ его книгѣ, и мы очень желали бы чтобы прочитавшіе послѣднюю непременно прочли первую. Оспаривать эти оправданія мы считаемъ совершенно излишнимъ: мы сказали въ своей статьѣ все что считали нужнымъ, и повторять сказанное нѣтъ никакой надобности; довольно что самъ г. Пыпинъ усиливается нынче придать своей книгѣ смыслъ какого она не имѣетъ. При томъ же, главный вопросъ на который было обращено наше вниманіе, именно обвиненіе Пушкина въ равнодушіи къ общественнымъ интересамъ, разрѣшается теперь окончательно въ указанномъ нами смыслѣ помимо насъ: великій поэтъ самъ неожиданно возвысилъ свой замогильный голосъ, и имѣющіе уши слышать услышатъ. Принадлежитъ ли самъ г. Пыпинъ къ послѣднимъ—не знаемъ; но ни прежде, ни нынче мы не видѣли и не видимъ никакой надобности убѣждать его. Мы имѣемъ дѣло съ публикой, а не съ г. Пыпинымъ.